

Евгений Геннадьевич Иванов

Отложенное венчание

16+

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Отложенное венчание

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Иванов Е. Г.

Отложенное венчание / Е. Г. Иванов — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Может ли война помешать любви двух людей? Можно ли вернуться назад после смерти? И есть ли у Провидения свой план для каждого из нас? В далёком 1942 году Курт и Ангелика даже не подозревали о том, что ждёт их впереди и как они снова встретятся спустя годы. Об этом мой рассказ.

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	14
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Иванов

Отложенное венчание

1

Мысль возникла на краю спиралевидной галактики. Миллиарды звёзд в широких хвостах спирали ярко сияли, постепенно сливаясь друг с другом в огромный ослепительный шар в центре.

– Я правильно поняла, именно об этом секторе галактики Он подумал? – спросила Мысль.

– Да, всё верно, Он подумал именно об этом месте, – ответила сама себе Мысль, – Он давно уже не уделял внимания биологическим формам жизни. Мне, таким образом, надлежит провести тщательную инспекцию всего, что здесь происходит.

– Разве не Эмиссар должен этим заниматься? Биоформы его ответственность, – опять спросила себя Мысль.

– Эмиссар в настоящее время занят обустройством жизни в ста семидесяти семи тысячах галактик этой Вселенной. Именно поэтому моя работа здесь, – объяснила сама себе Мысль.

– Мне надо тщательно осмотреться и решить с чего начать. Он не даром подумал об этом месте. Данной галактикой давно никто не занимался, и здесь явно происходит что-то не то.

– Да, верно. Начну, пожалуй, вон с той белой звезды. Расстояние – сорок восемь световых лет, девять планет, третья по счёту населена биоформами, созданными по образу и подобию Его.

Мысль скользнула сквозь пространство и мгновение спустя окутала планету невидимой пеленой, проникнув в сознания населяющих её существ.

– Из всех биоформ квазиразумны только приматы. Те, из-за которых Он меня сюда и направил, – заключила Мысль.

– Да, и делают они нечто не поддающееся объяснению. Во всяком случае с Его точки зрения. Стоит приглядеться повнимательнее. Пока я не понимаю, – неслышно прошептала Мысль.

– И в самом деле, творят они вовсе не то, для чего были созданы. На мой взгляд это внутривидовое самоуничтожение.

– Что происходит там, внизу, на востоке их самого большого континента? Они осознанно убивают друг друга? – недоумевала Мысль.

– Похоже на то. На западе континента происходит то же самое. Одиннадцать тысяч лет назад этот биологический вид научился обрабатывать железо, а сейчас этим самым железом они уничтожают друг друга. Самое непонятное, что самоуничтожение происходит внутри отдельно взятых рас, что на западе, что на востоке. Они не только истребляют свой вид, но и своих прямых сородичей.

– Явно не Его план. Как можно было давать свободу столь примитивным биоформам?

– Не мне решать! – строго одёрнула себя Мысль.

Словно под микроскопом Мысль изучала жизнь на планете, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, собирая и впитывая в себя информацию, запечатлевая происходящее секунда за секундой, всё больше поражаясь, как происходящее внизу могло вообще свершиться.

– Я собрала всю необходимую общую информацию об этом мире. Приматы, кстати, называют себя людьми, а планету Землёй, что бы это ни значило. Для полного осознания и корректировки того, что у них происходит необходима микродетализация, – выдала своё заключение Мысль.

– Для эксперимента можно взять вот эту страну в центре западной части континента, известного у них, как Европа. Судя по всему, создания там настроены наиболее агрессивно. Забавно, но у них внизу то, что я из себя представляю, считается аберрацией, заболеванием при котором они изолируют себе подобных в отдельных домах и пытаются лечить. Шизофрения – так они это называют.

– Да. А в этой самой стране люди ещё и умерщвляют себе подобных, которые думают таким же способом, как и я, – Мысль на краткий миг исказила пространство от непонимания и омерзения.

– Самое время посмотреть поближе. Хотя бы вон тот город...

2

29 мая 1942 года капитан люфтваффе Курт Винтерхальтер вышел из здания штаба, расположенного по соседству с авиабазой близ Кёльна, после долгого оперативного совещания с командованием. Обсуждались дальнейшие действия вермахта на западном фронте, в частности наращивание мощи военно-воздушных сил Великобритании. С каждым месяцем англичане всё успешнее осуществляли боевые вылеты на оккупированные Францию, Бельгию, Голландию и это, конечно, не могло не привлечь внимание ставки в Берлине. Новое задание несколько обескуражило Курта. Он принимал участие в бомбардировках Лондона в 1941 и знал, что новая цель – ничто по сравнению с миллионной столицей главного врага фатерланда на Западе. Хотя тогда люфтваффе и не удалось сломить сопротивление и моральный дух Англии, но урон та понесла немалый, в чём, несомненно была и его, Курта, награждённого тогда железным крестом, заслуга. Но Мидлсбро! Что в самом деле было такого важного в провинциальном английском городишке? Ходили, конечно, слухи, что англичане строят что-то совершенно новое в авиатехнике, что-то похожее на пилотируемую реактивную ракету с крыльями, способную достичь Берлина за тридцать минут, но подтверждения этому факту разведке до сих пор добыть не удалось. Местоположение возможного строительства также оставалось тайной. Так неужели Мидлсбро? Иначе зачем было бы снаряжать шестнадцать «Хейнкелей» для бомбардировки этой дыры? Курту, однако, льстило, что именно он был назначен командиром авиагруппы, готовящейся разбомбить в пыль весь Северный Йоркшир.

«Сейчас на авиабазу, провести инструктаж своим перед ночным вылетом, а потом в город. Надо всё-таки выяснить, что там происходит с Ангеликой. Вчера по телефону она несла какую-то непонятную чушь», – подумал Курт.

Инструктаж с подробной детализацией, вопросами и ответами, согласованием пар ведущих и ведомых и прочей организационной тематикой продлился без малого три часа. Было решено, что авиагруппу будут прикрывать двадцать «Мессершмиттов-БФ109», а сами «Хейнкели-111» будут снаряжены шестнадцатью пятидесятикилограммовыми бомбами с однотонной бомбой на внешнем держателе каждый.

«Что бы там ни было, а Мидлсбро придёт конец, – гордо подумал Курт, – то, что не разнесут бомбы, добьют «Ме-109». Англичане так и не поймут, что их накрыло. А то расслабились там у себя за год без бомбёжек. Так, а сейчас в Кёльн».

Курт вырулил за ворота авиабазы на своём новом «Арди РБЦ-200». Ему нравилось ездить на мотоцикле, чем-то напоминало полёты, особенно, когда он закладывал крутые виражи на изгибах шоссе, ведущего в Кёльн. Мысли его переключились на Ангелику. Да, она ему нравилась. Даже очень. Но было это чем-то серьёзным или очередным увлечением, он не хотел себе признаваться, хотя в глубине души знал ответ. В свои тридцать два года он, высокий, красивый, статный и, что немаловажно, неженатый офицер люфтваффе, пользовался большим успехом у женщин. Собственно говоря, благодаря этим своим знакомствам и какому-то непонятному стечению обстоятельств, он и познакомился с Ангеликой. Полгода назад Курт встречался с Мариленой, профессорской дочкой, которая временами очень раздражала его своей эрудицией и всезнайством, что периодически выливалось в лёгкие подтрунивания над его «необразованностью». Как-то раз они ходили на балет, после чего Марилена, как обычно, пустилась в свои бесконечные рассуждения о мировом искусстве. Курт тупо молчал, не зная, как поддержать разговор, что вызвало серию очередных насмешек со стороны Марилены. «Ты бы хоть почитал чего-нибудь в свободное время», – прохихикала она. Что и подвигло Курта записаться в городскую библиотеку. Он отчётливо помнил тот хмурый декабрьский вечер, когда, поднявшись по ступенькам крыльца, открыл дверь и вошёл в библиотеку. В переднем зале ярко горел свет и в отдалении, за стойкой, Курт со спины увидел девушку, перебирающую карточки в выдвижном

ящике каталога. «Там, кажется, и надо записываться», – подумал Курт и подошёл к стойке. «Ангелика Кирхнер. Библиотекарь» – гласила табличка на шкафчике с каталогами.

– Добрый вечер, фройляйн! – достаточно громко произнёс Курт. Девушка вздрогнула от неожиданности и резко обернулась.

– Добрый вечер, герр офицер! Извините, я не очень хорошо разбираюсь в званиях. Чем могу Вам помочь? – спросила она.

– Капитан. Капитан Курт Винтерхальтер. Я бы хотел записаться к вам в библиотеку.

– Очень хорошо. Заполните, пожалуйста, этот бланк, а я пока выпишу Вам читательский билет.

Заполняя анкету, Курт украдкой изучающе смотрел на девушку. Среднего роста, мило-видное лицо, голубые глаза и прямые, льняного цвета волосы до плеч. «Стоит познакомиться поближе», – решил Курт. Забирая читательский билет, он, как бы невзначай, коснулся руки девушки.

– Большое спасибо, Ангелика! Вы мне очень помогли, – Курт внимательно посмотрел в её голубые глаза, и Ангелика густо покраснела.

– Не стоит благодарности, герр капитан. Это моя работа. Что Вас интересует? – уставившись на поверхность библиотечной стойки, спросила она.

– Балет..., – ответил Курт.

Месяц спустя ни о балете, ни о Марилене Курт больше не вспоминал. Ангелика занимала всё его свободное время. Роман начался бурно, Курту не составило большого труда очаровать девушку. Выяснилось, что ей двадцать лет, и уже год она работает в городской библиотеке. Родители её держат книжный магазин, где отец работает переплётчиком, а мать продавцом. Младшая сестра Эльза, которой недавно исполнилось шестнадцать, учится в сельской школе-интернате, куда родители отправили её из соображений безопасности. И вот теперь Курт выжимал полный газ из своего «Арди», чтобы увидеться с Ангеликой до того, как настанет час «икс» для очередного боевого вылета. Курта мучали доселе незнакомые, а потому непонятные ему чувства. Ангелика притягивала его, как магнит, чего не было с другими его девушками. Он ощущал странную зависимость от пронизательного взгляда её голубых глаз, особенно когда она, лёжа в его объятиях, исподлобья смотрела на него. «Что это? Любовь? Да нет, не может быть, она совсем ещё девчонка, сама не знает, чего ей надо, – гонял одни и те же мысли у себя в голове Курт, – В конце концов надо как-то объясниться».

Погода была хорошая, поэтому встречу они назначили в парке. По пути Курт остановился у цветочного магазина, чтобы купить Ангелике розу. Она очень любила, когда он дарил ей розы того особенного, дымчато-розового оттенка. Уже издали он увидел её, сидящую на скамейке с какой-то книгой в руках. Книга лежала у неё на колене, указательный палец правой руки заложен между страниц. Ангелика, казалось, была в глубоких раздумьях.

– Привет, – быстрым шагом подойдя к ней, сказал Курт, – это тебе.

– Привет, спасибо! – Ангелика взяла розу и поцеловала его.

– Пройдёмся? – предложила она.

– Давай. Ну, что там опять стряслось? Ты что-то вчера говорила по телефону, но я так и не смог понять, что к чему. Всё в порядке с родителями, с сестрой?

– Да-да, с ними всё хорошо. Я должна тебе кое-что сказать, Курт. Что-то важное. Важное для меня. Для нас.

– Да, конечно, говори, дорогая! Что случилось?

Ангелика остановилась и, повернувшись, вплотную подошла к Курту. С такого близкого расстояния он почувствовал, как под дуновением ветра её волосы касаются его лица, и ощутил тонкий аромат духов, подаренных им Ангелике две недели назад. Она в упор, исподлобья смотрела на него снизу вверх, и Курт почувствовал, как приятный холодок пробежал по его спине под пристальным взглядом её голубых глаз.

– Курт..., – начала было она, но замолкла.

– Да что же в самом деле происходит? Что случилось? – в сердцах воскликнул он.

– Курт, я беременна. У нас будет ребёнок.

Он поперхнулся на полуслове и в неверии наклонился к Ангелике, схватив её руками за плечи.

– Это правда? Ошибки быть не может?

– У меня была задержка, я сходила к врачу и тот подтвердил. Четыре недели, Курт. Нашему ребёнку. Ему уже четыре недели.

Глаза Ангелики набухли от слёз. Она прижалась к Курту, тихо всхлипывая.

– Курт, что мы будем делать? Что ты решишь? Ты же знаешь, что я лютеранка. И что скажут мои родители, когда узнают? Как я буду жить? Мы даже не обвенчаны. Ты даже не представлен моим родителям, как мой жених! – всхлипы перешли в открытое рыдание.

Курт вдруг ясно осознал, что любит эту девушку. Что ему не нужна никакая другая, и что он хочет быть с ней и с их ребёнком.

– Так, успокойся, всё будет хорошо! Мы пойдём к твоим родителям, и я попрошу у твоего отца твоей руки. Мы поженимся. И обвенчаемся. Или и то, и другое, как там у вас в церкви делается.

Рыдание постепенно прекратилось. Ангелика вытерла глаза платочком и опять исподлобья посмотрела на Курта.

– Ты знаешь, послезавтра из интерната приезжает Эльза. Их отпустили на неделю навестить родных. Я скажу родителям, что хочу представить им своего жениха. Вся семья будет в сборе, ты со всеми познакомишься.

– Хорошо, дорогая. Я буду занят пару дней. Послезавтра позвоню тебе в библиотеку, и мы обо всём договоримся.

Курт проводил Ангелику до дома. По пути она весело щебетала о том, какое имя выбрать, если будет мальчик, какое, если девочка. Как они будут венчаться в церкви, и какое платье лучше выбрать для неё, а какое для Эльзы, как подружки невесты. Курт слушал щебетание Ангелики, и радость предстоящих событий постепенно растворялась, словно в чёрной воде омута, от осознания того, что ему предстояло сделать этой ночью. Война – сейчас это слово, как стервятник, выискивающий падаль, кружило в его голове.

На углу, не доходя до её дома, они расстались. Курт обнял Ангелику, и та на секунду крепко прижалась к нему. «Я буду ждать твоего звонка послезавтра», – сказала она прощаясь.

3

Вечером того же дня, в 21.00 по средневропейскому времени экипажи боевых самолётов выстроились у своих машин на аэродроме. Бомбовые отсеки «Хейнкелей» были полностью загружены, боекомплекты «Мессершмиттов» заряжены. Курт, как обычно, вглядывался в лица своих парней, вытянувшихся по стойке смирно у самолёта. Нойманн – второй пилот, Шульц – штурман, Бауэр – стрелок выдвижной огневой оборонительной точки и Ганке – пулемётчик нижней гондолы. Ганке, молодой тиролоец, недавно закончивший лётную школу с успехом, выбив на подлёте девяносто девять из ста мишеней на тренировочном поле, несколько забавлял капитана. «Шут гороховый», как окрестил его Курт. Вечно корчил смешные рожи, с неподражаемым австрийским акцентом рассказывал свои сальные тирольские шутки-прибаутки, а временами по вечерам наяривал на аккордеоне, распевая скабрёзные песни про альпийских пастушек с козами. Вот и сейчас, не смотря на важность момента и на то, что это был его, Ганке, первый боевой вылет, он выпячивал губы и тарасил глаза, словно паяц, повторяя слова Курта.

– Рядовой Ганке, выйти из строя! – рявкнул Курт. Лицо Ганке приобрело мужественную решимость с оттенком скорби, и он сделал шаг вперёд, – Двадцать отжиманий, прямо сейчас! Выполнять!

Под сдержанные смешки лётчиков Ганке в полном боевом обмундировании с парашютом за спиной упал и начал отжиматься. «В следующий раз неделю сортиры драить будешь, рядовой!», – свирепо прорычал Курт.

В 21.15 авиагруппа в полном составе была в воздухе. Путь лежал через Голландию, а затем через Северное море напрямик на Мидлсбро. В 21.26 «Хейнкель-111», бортовой номер 130, под командованием капитана Курта Винтерхальтера достиг операционной высоты в шесть тысяч метров и на крейсерской скорости в четырёхста тридцать километров в час в составе ударной эскадрильи ещё пятнадцати себе подобных в сопровождении двадцати «Ме-109» полетел на массовое убийство.

Всё шло рутинно. Курт любил эти моменты. Море внизу, Луна наверху, очередная цель спит где-то в темноте и даже не подозревает о надвигающейся на неё каре вермахта. Он, Курт, инструмент-скальпель люфтваффе, предназначенный для уничтожения врагов фатерланда. «Когда война закончится, я, пожалуй, приобрету себе поместье в Англии. Ангелика вечно учит этот английский, наверное, он ей нравится. Мне в Дрездене всё время вдалбливали французский. Зачем? Лягушатники и так сдались почти без боя, им Париж стало жалко», – думал Курт. Отражение лунной дорожки на морской поверхности внизу вселяло силу и уверенность в своей безнаказанности. Курт чувствовал всю мощь Германии за своей спиной.

– Капитан, вижу берег, это Англия, Мидлсбро прямо по курсу – услышал Курт в шлемофоне голос Нойманна.

– Курс сто двадцать, азимут сто один, снижение на сто, экипаж, приготовиться к атаке, – как обычно скомандовал Курт.

– Бомболюки готовы, – раздался в наушниках голос Шульца.

– Орудия готовы, – рапортовал Бауэр.

– Пулемёт к бою, – необычно серьёзно отозвался Ганке.

Эскадрилья начала снижение, раздвигаясь веером по радиусу поражения, захватывая в перспективе всю территорию беззащитного графства.

Дрожь, вспышка, воспоминания детства, зелёная листва на деревьях. Нечто. Нечто непонятное стояло на воротах сознания Курта и не хотело уходить. Непонятное. Чужое. Непрошенное. Оно аккуратно приоткрыло дверь, заглянуло внутрь, вошло и также тихо притворило за собой дверь. Дрожь, судорога, капля слюны из уголка рта. Курта тряхнуло, зрение на миг иска-

зилось, и он почувствовал, как Нечто смотрит вовне его глазами. Секунда, и всё прошло. Курт снова был самим собой.

– Капитан, вы в порядке? – услышал в шлемофоне голос Нойманна Курт.

– Да! Выполнять приказ!

«Хейнкель-111» под бортовым номером 130 снижал высоту, готовясь к точечной бомбардировке заданной цели. Цель, светясь редкими точками тусклых огней внизу, лежала, готовая к уничтожению.

Первым, как ни странно, о непредвиденном доложил Ганке из своей нижней гондолы.

– Капитан, я вижу множественные цели. Они в воздухе. Приближение примерно через девяносто секунд!

– Ганке, что ты видишь? – заорал в микрофоны Курт.

– Это цели. Приближение. Ещё. Капитан, это «Тандерболты»!

Их ждали. Через стёкла фонаря кабины Курт увидел, как, по меньшей мере три эскадрильи истребителей британских ВВС, разбившись на тройки, пробивали воздух своими пропеллерами, стремясь войти в зону поражения противника. «Какая-то штабная крыса выдала информацию англичанам, а контрразведка прошляпила! – в ярости подумал Курт, – Сдохните, гады! Я вас бомбил в прошлом году, уделаю и сейчас!»

– Экипаж, манёвр уклонения, стрелять на поражение, идём на цель, подготовить бомболюки!

– Есть, капитан!

130 снизил высоту до двух тысяч метров и, задав вираж, сбросил запас бомб на Мидлсбро.

– Удачно. Шульц, курс на основную цель по координатам!

– Есть, капитан!

– Однотонную к бою. Активировать зажимы!

Через нижнюю часть носового фонаря Курт увидел, как внизу, где-то около Мидлсбро зажглись, словно свечки, яркие огоньки. Секунду спустя они расширились, сдвинулись вверх и оторвались от земли. Грохот переламывания сверхзвукового барьера достиг 130. У экипажа заложило уши. «Матерь Божья, что это?» – в беспокойстве подумал Курт. Три секунды спустя сверхзвуковые чудовища пронзили небо в двухстах метрах от бомбардировщика и устремились ввысь. Самолёт качнуло, словно лодку на волнуемом море. Курт посмотрел вверх и увидел, как в полутора тысячах метрах над ним прекратили своё существование борта 77, 112 и 51. Оснащённых по последнему слову военной машины вермахта бомбардировщиков не стало в один кратчайший миг. Их искрящиеся осколки падали вниз на английскую землю.

«Что это? «Катюши»? Когда же русские успели передать англичанам свои реактивные установки? Впрочем, нет, «Катюши» не бьют так высоко. Это то, из-за чего нас послали сюда на убой к чёртовой матери», – уже успокоившись размышлял Курт.

– 130 вызывает борт 99. Капитан Винтерхальтер, ответьте! – это был голос капитана Фогеля, назначенного заместителем Курта по авиагруппе.

– 130 отвечает, что там Ганс?

– Курт, надо уходить! Ты видел это? «Ме-109» сейчас отбивают атаку их истребителей, у нас есть время, чтобы отбомбиться и уйти назад через море.

– Ганс, приказ был сбросить весь боезапас по указанным координатам. Прикажи своим исполнять.

– Ты маньяк, Винтерхальтер, я укажу на это в своей докладной...

Голос Фогеля оборвался, и Курт понял, что падающие обломки это то, что осталось от борта 99. Сверхзвуковые ракеты с назойливой настойчивостью отрывались от поверхности и сбивали «Хейнкели», как ёлочные игрушки. Собственно говоря, Курт уже обо всём догадался. Это была намеренная ловушка. Англичане мастера на такие фокусы. Они просто решили испы-

тать своё новейшее оружие в реальных боевых условиях и путём намеренной дезинформации заманили их сюда. Очень просто, как подопытных кроликов. И экипаж борта 130 жив до сих пор просто по тому, что самым первым ушёл на малую высоту. Значит здесь и надо оставаться. Хотя бы для того, чтобы сбросить свою последнюю однотонную бомбу на их пусковые установки.

– Нойманн, снижение до одной тысячи метров, сбрасываем нашу красавицу на их ракеты и уходим.

– Есть, капитан!

130 с рёвом рассекал пропеллерами воздух, стремительно снижая высоту. В километре над землёй Шульц активировал разблокировку зажимов, и одна тонна смерти сорвалась вниз. Через четыре секунды экипаж взмывающего ввысь бомбардировщика услышал оглушительный грохот взрывающихся английских ракетных установок.

– Миссия выполнена, ребята, теперь домой! – весело объявил в микрофоны Курт, – Шульц, высота шесть тысяч, курс на Кёльн.

В ночном небе Курт видел падающие подбитые истребители, то ли английские, то ли немецкие. Теперь это его мало заботило – главное было убраться отсюда поскорее. Из набирающего высоту бомбардировщика он увидел море, значит Англия осталась позади. Всё хорошо. База, Кёльн, Ангелика – сложилась в его голове последовательность действий.

Отдача от стрельбы верхнего орудия сотрясла самолёт.

– Бауэр, что там, доложить? – резко скомандовал Курт.

– Их трое капитан. Идут на перехват сверху. Разделяются. Один заходит к нам в тыл, – ответил стрелок.

– Ганке, цель уничтожить!

– Есть, капитан!

Курт услышал стрёкот пулемётных очередей из нижней гондолы. Бауэр сверху отстреливался от приближающихся «Тандерболтов». Бомбардировщик резко трянуло, и секунду спустя вспыхнул левый двигатель. «Что за чёрт! – подумал Курт, – это-то откуда прилетело?».

– Капитан, там ещё один! Идёт на перехват снизу! – доложил Ганке.

– Уничтожить!

Опять раздалась пулемётные очереди, и опять фюзеляж «Хейнкеля» дрогнул.

– Ганке, что там? – прокричал Курт. Ответа не последовало.

– Ганке!

Машина дала крен влево. Пламя от горящего двигателя достигло фюзеляжа. Пули пробили самолёт сверху и орудие Бауэра замолчало.

– Шульц, сменишь Бауэра в верхней огневой точке, – отдал приказ Курт.

Злое жужжание раздалось совсем рядом, и пулемётная очередь пробила левый борт бомбардировщика. Обернувшись, Курт увидел окровавленное тело Шульца на полу кабины. Холодный ветер, дующий из пробоин, оставлял складки на его комбинезоне.

Пытаясь совладать с повреждёнными элеронами, Курт увидел заходящий справа «Тандерболт». Нос истребителя осветился огнём пулемётов, послышался звон разбивающегося стекла кабины «Хейнкеля», и Нойманн дёрнулся, как тряпичная марионетка. Курт успел сделать ещё один вдох, когда пули, прошившие насквозь Нойманна, пробили ему правое лёгкое. Боль миллионами острых, безжалостных игл распространилась по телу. На пару секунд Курт потерял сознание. Дышать было невозможно. Он хрипло сипел, схаркивая кровь на приборную панель. Неуправляемый борт 130 терял высоту. В свете Луны свинцово-серая гладь Северного моря равнодушно смотрела на падающую вниз искорёженную грудку горящего металла.

Из угасающего сознания Курта Нечто вглядывалось в происходящее снаружи. Уже не Курт видел мир, а Нечто показывало ему, что происходит. Так, он увидел Ганке в нижней гондоле. Головы у парня практически не осталось. То, что некогда было головой, напоминало раз-

рубленную на куски окровавленную тыкву. Истёкший кровью Бауэр в верхней огневой точке, с изуродованным до неузнаваемости лицом. Шульц на полу с пробитой печенью. Проткнутый насквозь, как утка на вертеле, Нойманн. Все его товарищи были мертвы.

Нечто направило поток сознания Курта на очередной «Тандерболт», заходящий в атаку слева. Необходимости в атаке не было, бомбардировщик и так был выведен из строя. Нить сознания Курта, движимая Нечто, коснулась разума английского лётчика. В последние минуты своей жизни Курт первый раз ощутил эмоции другого человека. Ему стало страшно от того, что было там, внутри сознания англичанина – страх и глубокая, тёмная, всепоглощающая ненависть к нему, Курту. «Тандерболт» приближался. «Совсем ещё молодой мальчишка, это его первый боевой вылет, хочет покрасоваться, добывая и так уже падающий вражеский бомбардировщик», – прочитал Курт в сознании английского пилота. Раздался треск пулемётной очереди и, как в замедленном кино, Курт увидел вспышки у стволов носовых орудий «Тандерболта», медленно выплюнутые пули, неохотно покидающие свои гнёзда и пускающиеся в путь к его бомбардировщику. Он почувствовал, как нижнюю часть тела что-то дёрнуло, и как лишился обеих ног. «Я не хочу умирать», – была его последняя мысль.

Бомбардировщик с оглушительным всплеском ударился о морские волны. Сознание Курта померкло.

4

Курт очнулся в непонятном месте. Нельзя было сказать, лежал он или стоял, или вообще парил в пространстве. Боли больше не было. Его окружала крошечная тьма. Или, может, он был слеп. Курт шевельнул ногами. Ноги двигались. Он вытянул вперёд правую руку, но ничего не ощутил, кроме пустоты. «Что это за место?» – подумал Курт, попытался потереть себе лоб левой рукой и обомлел. Лба он не почувствовал. То есть он знал, что и лоб, и голова у него есть, но никаких тактильных ощущений не было. Он, как будто, состоял из воздуха. Но и воздуха не было. Курт не чувствовал сердцебиения и не дышал. Ему стало страшно. «Эй, есть здесь кто-нибудь? – произнёс он, – где я, что это за место?»

– Здравствуй, Курт Винтерхальтер, – раздался такой родной и такой давно забытый голос.

– Мама? – только и выдавил из себя поражённый Курт.

– Не совсем, но в каком-то роде да, – ответил голос, – я решила, что тебе будет комфортнее, если я буду звучать именно так.

– Что со мной случилось, где я? Нас подбили над Северным морем. Я помню, что бомбардировщик упал в воду.

– Совершенно верно, Курт. От удара о воду тебе разбило голову. Но ты бы и так умер от кровопотери.

– Что это значит? Я не понимаю. Я же здесь, хотя ничего и не чувствую.

– Ты умер, Курт. То, что здесь находится это твой энергетический код, иначе именуемый у вас душой.

Ошеломлённый Курт в ужасе пытался понять, что происходит, и как ему выбраться из этого страшного места.

– А кто ты? Ты говоришь голосом моей матери, но её давно уже нет.

– Я же сказала, что так тебе будет комфортнее. Немного покопалась в твоих воспоминаниях, извини.

– Да кто же ты?!

– Я – Мысль твоего Создателя, Курт, ты находишься внутри меня. Он направил меня сюда с инспекцией и, честно говоря, увиденное меня не впечатлило. Что подвигло вас, людей, устроить очередное истребление мирового масштаба?

Курт не знал, что ответить. Он никогда не задумывался о понятии «истребления». Он воевал за фатерланд, за великую Германию.

– И что теперь со мной будет? Я, вообще-то, хочу домой, в Кёльн. Меня там ждёт девушка. У нас будет ребёнок.

– Курт, ты, видимо, недопонимаешь, что ты умер и пути назад нет. Ты – суммация своих решений, принятых при жизни. Своих действий и поступков, в результате которых ты оказался здесь со мной. Сейчас я думаю, что с тобой делать. А на счёт Ангелики у меня для тебя плохие новости, сожалею.

– Что с ней? – упавшим голосом спросил Курт.

– В то время, как вы летели уничтожать Мидлсбро, англичане летели бомбить Кёльн. На самом деле, уничтожение Кёльна всё ещё продолжается. Они бомбят уже второй день.

– А что с Ангеликой?!

– Прямое попадание двухтонной фугасной бомбы в её дом. У неё не было шансов.

– Я не верю! Она проходила курсы гражданской обороны. Они должны были успеть в бомбоубежище!

– Смотри, Курт...

Словно в документальной кинохронике, Курт увидел Кёльн с высоты птичьего полёта. Вид был, как из кабины тренировочного самолёта, когда он был курсантом лётной школы.

Казалось, что кинокамера, движимая невидимым оператором, передаёт изображение прямо в его сознание. Он увидел знакомую улицу и пятиэтажный дом с книжным магазином на первом этаже. Заходящий в пике английский «Хемпден». Открывающиеся бомболоуки. Бомбы, падающие на головы беззащитных людей. Всё это было очень хорошо знакомо Курту. Только на этот раз он смотрел на разрушение всего, что было ему так дорого. Он увидел, как английский фугас упал на крышу пятиэтажного дома, пробил перекрытия, достиг подвала и разорвался, взмывая вверх огромными языками смертоносного огня. Увидел, как дом содрогнулся, и, сначала нехотя, а потом всё быстрее начал проседать вниз. Увидел летящие в разные стороны стёкла и кирпичи. Увидел, превращающуюся в руины квартиру Ангелики на четвёртом этаже. И, наконец, увидел Ангелику. Точнее то, что от неё осталось между выгнутыми стальными балками под горами кирпича. Из ночи камера скользнула в день. Курт увидел пожарные машины, бегающих солдат и медсестёр. В этой сутолоке он разглядел молодую девушку, почти девочку, стоящую у руин пятиэтажного дома. Лёгкое бежевое пальто, чёрные туфли с пряжками и чёрный беретик на голове. В правой руке девочка держала небольшой фибровый чемодан. Судя по виду – ученица частной школы. Камера поменяла ракурс, и Курт увидел лицо девочки – оцепеневшее, с широко раскрытыми от немого ужаса глазами. Черты её показались Курту до боли знакомыми. Да, несомненно! Эльза Кирхнер стояла у развалин дома её родителей. Её дома...

Курт всхлипнул. Точнее, это был не всхлип, а зеркальное отражение того эмоционального состояния.

– Да, Эльза выжила. Англичане разбомбили железнодорожное полотно, поэтому всех сняли с поезда и сутки продержали на одной из станций. Она добралась до Кёльна на автобусе, уже когда воздушную тревогу отменили, – сказала Мысль.

– Я... Я могу увидеть Ангелику? – спросил Курт.

– Нет, – ответила Мысль.

– Почему? Ведь я же здесь. Значит и она должна быть где-то.

– Она далеко, Курт.

– Где далеко? Что это значит? Что ты морочишь мне голову?!

– Она в другой части Вселенной вне моей досягаемости. Да и в любом случае, моя работа здесь.

– Ну так отправь меня туда, к ней!

– Нет, Курт. Я решила. Сейчас ты будешь спать.

– Да какое к чертям собачьим спать! Я вообще не хочу быть здесь с тобой. Выпусти меня!

Курт почувствовал, как непреодолимая усталость навалилась на него. Глаза слипались, и сознание уходило куда-то в небытие. Он услышал, как ласковый голос матери, словно в детстве, поёт ему колыбельную. Курт уснул...

– Вставай, Курт, просыпайся, малыш, – раздался где-то рядом нежный голос.

Курт с трудом открыл глаза, но ничего не увидел. Его по-прежнему окружала сплошная темнота.

– Настало время просыпаться, – голосом матери прошептала Мысль.

– Долго я спал? – спросил Курт.

– Достаточно долго для того, чтобы закончилась война, на которой ты воевал. Я этому посодействовала.

– Война закончилась? Мы победили?

– Ты скоро сам всё узнаешь.

– Хорошо. Теперь ты меня отпустишь? Я увижу Ангелику?

– Да, Курт, я отпущу тебя. Ты увидишь Ангелику. Я, как Мысль Создателя, так решила.

– Где? Когда?

– Не здесь.

– Так где же?

Мысль не ответила. Курт ощутил, как Нечто проникает в его сознание. Он не хотел пускать это непонятное, но оно легко сломало его сопротивление и, как паутиной, опутало его энергетическую сущность. Курту опять стало страшно. На этот раз Нечто не просто смотрело сквозь него, оно беспардонно вторглось в его личность. В его память. В его эмоции. В его сущность. В то, чем он, Курт Винтерхальтер стал к своим тридцати двум годам земной жизни. Он понял, что его личность уничтожается. Как будто кто-то ластиком стирает карандашный рисунок. Штрих за штрихом, воспоминание за воспоминанием, эмоцию за эмоцией. Сознание Курта билось в конвульсиях. Память улетала прочь, как обрывки сна. Строение его личности, когда-то казавшееся незыблемым, разбиралось кирпичик за кирпичиком. Он, казалось, уносился в детство, судорожно цепляясь за столь дорогие ему воспоминания, в то же время сознавая, что и им сейчас придёт конец. Он ещё помнил своё имя, помнил любящее лицо матери, помнил зелёную листву на деревьях во дворе.

– Я полностью сотру его личность? – спросила сама себя Мысль.

– Я оставляю одну строку энергетического кода в подсознании будущей биологической единицы, – ответила Мысль, – это необходимо для выполнения Его плана.

– Эмиссар достиг соглашения со своей Сестрой?

– Да.

Память детства покидала Курта. Это был уже маленький мальчик, оставшийся один в тёмной комнате и плачущий от страха. Имя «Курт» исчезло в темноте, словно лист бумаги, подхваченный сквозняком. Ребёнок исходился беззвучным плачем. Опять что-то непонятное подхватило его, перевернуло и толкнуло в неизвестность.

Боль, страх, тёплый кровавый туман вокруг. Неизвестность, страх, боль, холод, яркий свет... Младенец раскрыл рот и закричал.

Шёл июнь 1945 года. В освобождённом год назад от финской оккупации Петрозаводске, в кое-как восстановленном роддоме лежала измождённая молодая женщина.

– Поздравляю, мамаша, у вас здоровый малыш. Мальчик, ух, богатырь! – пожилая акушерка подошла к женщине и положила ей младенца на грудь, – как записать-то его?

– Егором. Егором Петровым, – ответила женщина.

– Тааак, сейчас, – акушерка химическим карандашом старательно выводила буквы на клеёночной бирке, – По отцу-то его как? Где папка-то наш? Ты, я смотрю, одна и родных никого нет. Ежели он ещё не демобилизовался, так я могу послать кого ему телеграмму отбить, что сын у него.

– Григорьевич. А отец его погиб зимой. Под Кёнигсбергом, – Ольга посмотрела на сына и заплакала.

5

1 июня 1971 года лейтенант советских ВВС Егор Григорьевич Петров в составе девятой эскадрильи посадил свой «Су-11» на аэродроме авиабазы Роммштайн под Берлином. По решению командования истребители перебазировались из-под Калининграда в Германскую Демократическую Республику. По команде капитана Демьяненко лётчики выстроились на взлётной полосе, ожидая командира полка.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться! – рапортовал старшина роты технического обслуживания.

– Обращайтесь, старшина, – ответил Демьяненко.

– Полковника Зайцева срочно вызвали в Берлин, будет завтра. Сейчас за него замполит, подполковник Плотников. Приказ рапортовать ему. Хочет со всеми лично побеседовать.

Петров вошёл в кабинет замполита последним.

– Товарищ подполковник, лейтенант Петров по вашему приказанию прибыл!

– Вольно, лейтенант! Успеешь ещё построиться. Сядь, вон, лучше, поговорим.

Подполковник махнул рукой в сторону кресла, стоящего по другую от него сторону стола.

– Зовут меня Плотников Андрей Михайлович, заместитель командира по политической части, – сказал он, листая личное дело Петрова, – Эге, Петров Егор Григорьевич, член КПСС с 1970 года. Что заканчивал, Петров?

– Качинское лётное училище в Волгограде.

– Хорошо. А сам откуда?

– Из Петрозаводска.

– Так-так. Ну что, Егор Григорьевич, день у тебя тяжёлый был. Перебазирование, сам знаю, дело непростое. Может пропустим по чуть-чуть? – Плотников расплылся в широкой улыбке, показав крупные, лошадиные, жёлтые от никотина зубы.

Петров несколько опешил от такого разворота событий.

– Откажусь, товарищ подполковник! Не люблю я этого дела.

– А я так приму всё-таки на душу населения, – Плотников открыл сейф и извлёк оттуда бутылку с мутной жидкостью белёсого цвета, – шнапс их, самый настоящий, немецкий.

– Люблю грозу в начале мая, – почему-то произнёс он и, наполнив до половины гранёный стакан, залпом выпил.

– Ух, хорошо! Забористый напиток, – протянул он и достал из сейфа банку с солёными огурцами. Самое главное – закусывать, чтоб не развезло, – весело сказал он, смачно пережёвывая огурец.

Петрову Плотников показался забавным, хотя и странным. Сидя напротив, он изучал морщинистое лицо замполита. Седой, с лысиной на голове и пытливыми карими глазами. Плотников, тем временем, достал пачку «Беломора» и раскурил папиросу.

– Партбилет с собой? – спросил он Петрова.

– Да.

– Давай сюда. Я тебя на учёт в парткоме поставлю. Надо ещё взносы заплатить. Хотя чего их платить? У меня марок этих двухкопеечных завались, девать некуда.

Он открыл ящик стола, послонявил указательный палец и показал Петрову три, прилипшие к пальцу, марки.

– Вот так их, сюда, – Плотников криво вклеил марки на страницу партбилета Петрова.

– Ну что, Егор Григорьевич, какие у тебя планы на свободное от службы время? Как собираешься повышать свой морально-боевой дух? – спросил Плотников, наполняя второй стакан.

– Думаю поступать учиться, – ответил Петров.

– Учиться это хорошо. Куда поступать и на кого? – продолжал свои расспросы Плотников.

– В Петрозаводский Государственный Университет, на исторический факультет, заочно. Хочу стать военным историком.

– История дело хорошее. А у тебя в Петрозаводске есть кто?

– Да, мать живёт.

– Так-так, – кивал головой Плотников.

– В этой связи хотел бы спросить, товарищ подполковник. Мне бы начать готовиться надо. Думаю в следующем году поступать. Да и немецкий подучить надо, а то с лётного училища не практиковался. Здесь где-нибудь есть библиотека или хоть читальный зал какой-нибудь?

– Библиотека? Так есть у нас, конечно, библиотека! Полгода уж, как работает. А то до этого, Зоя Никитична, заведующая бывшая, в Союз с мужем вернулась, так библиотека восемь месяцев не работала.

– Ну, и как мне туда?... – начал Петров, но Плотников, не слушая, перебил его.

– А сейчас там новая библиотекаряша. Немка, но стопроцентно русская, – понятным только ему афоризмом выразился подполковник.

– Это как? – спросил Петров.

– Девка – ух! Кровь с молоком, глазастая такая и... – Плотников проделал пассы руками на уровне своей груди и загоготал. Гогот постепенно перешёл в сипение, напоминающее отдалённый собачий лай от чего Петрову тоже стало смешно, – Ну, ты понял, лейтенант.

Петров воздержался от комментариев.

– А история с ней вот была какая. Ты послушай, такого тебе в университетах не расскажут. Я ж сам её с рождения знаю, – просмеявшись сказал Плотников.

– Служил я в войну в пехоте. В мае 1941 курсы командиров закончил, а в июне уже война началась, так я лейтенантом на фронт пошёл. Со мной служил такой Пашка Макаров, рядовой ещё в ту бытность. Парень простой, патлатый такой с кудрями, деревенский, из крестьян. Весельчак был и шутник большой. Вечно песни свои под гармошку распевал да прибаутки рассказывал. Только вот в сентябре 1941 прилетела ему весточка со Смоленщины, где деревня его была. Сожгли немцы деревню, а жителей всех поубивали. У Пашки там жена оставалась, да двое пацанов. Лица на нём не стало. Озверел, как волк голодный. Сколько раз с ним в атаку ходили, он немцев в окопах в упор расстреливал, а которые недобитыми оставались, так лично им штык-ножом глотки резал. Так мы с ним к Берлину и продвигались. Пашке к тому времени звание старшего сержанта дали да орденом Красной Звезды наградили за заслуги перед Родиной. Во взятии Берлина мы с ним вместе участвовали, а потом в оккупационных войсках так и остались. Пашку поваром в солдатскую столовую определили. Ну, жизнь гарнизонная послевоенная для него скучновата была. Да и понятно, мужик он тогда ещё молодой был, а ни жены, ни детей не осталось. Загуливал он в Берлин, значит, под предлогом чего-то там для столовых нужд приобрести. Я уже тогда в звании майора был, ну, как мог, старался эти его выходы покрывать, товарищ как-никак мой боевой. Да только в один день, вернулся Пашка из Берлина не один. Слышу я, а на КПП крики дикие, Пашка вопит, а часовой ППШ на него направляет. Ну, что, я подошёл, построил всех по стойке смирно, смотрю, а у Пашки из-за спины девка выглядывает. «Ты, Макаров, совсем разум потерял? – говорю, – Одно дело, когда ты в Берлине со своими девками кувыркаешься, а другое – когда ты их в часть тащишь!». А он мне, это, дескать, не девка, а Эльза Гельмутовна Кирхнер. Он её любит, и она от него ребёнка ждёт. Мать честная, думаю, этот же дурак под трибунал пойдёт. И что, говорю, ты с этой Эльзой здесь делать хочешь? Я, отвечает, хочу, чтобы нас командир части расписал законным браком. Да уж, думаю, дела. Где, у кого, на какую банку тушёнки он эту Эльзу выменял, никому не известно. Смотрю я на неё – чумазая вся, худая, в пальтишке изорванном с

грязным беретом на голове. Всё за Пашку цепляется, боится. Ну что, взяли их наши. Пашку на гауптвахту, Эльзу эту на дознание. Неделю муржились. Врач наша полковая беременность подтвердила. Про Эльзу выяснили, что родом из Кёльна, это на той стороне сейчас. Что все родные её в бомбёжку погибли ещё в 1942, а в Берлин она сама толком не знает, как попала. Как-то! Закончилось всё тем, что решили их всё-таки расписать. Приняли во внимание заслуги старшего сержанта Павла Макарова перед Родиной, как-никак фронтовик-орденоносец, Берлин брал. Эльзу, между тем, в столовую посудомойкой и уборщицей определили. А в июне 1946 Эльза девочку родила. Роды, помню, трудные были. Целую ночь на весь гарнизон орала. Там уж командир медсанбата, полковник Ивашина сама роды принимала. Назвали новорождённую Ангеликой. Пёс их знает, откуда такие имена берутся, да, вроде, так Эльзину сестру покойную звали. Ну, а Пашка дочку просто Гелей звал. Пока суд да дело, стал он попивать потихоньку. Закроется после ужина в бытовке и брагу свою настоенную хлыщет. В один вечер переполошились все от криков диких. Смотрим, а Пашка с топором Эльку по плацу гоняет. Та от него с Гелей на руках убегает, вопит что-то по-немецки. Выловил Павла старшина Белоконь, здоровенный такой хохол, косая сажень в плечах. Ты что, говорит, гад, делаешь? Паша на него с топором, а Белоконь ему как хрясь в ухо, тот и на землю упал, топор выронил. Белоконь его за грудки поднимает и прямо в лицо орёт, что ты, мол, у меня за пьянство и дебош на оккупированной территории под трибунал пойдёшь, к стенке прямиком. Вот так, оказался опять Пашка, как дурак, на гауптвахте. Мы все, как могли за него ходатайствовали. Опять же, значит, фронтовик, орденосец, дочка грудная на иждивении. В общем, замяли дело. Я его потом спрашиваю, ты, зачем, значит, Эльзу с топором гонял. Она, говорит, тайком от меня Ангелику в кирхе покрестила, там у них пастор какой-то всех крестит. Да мало того, что покрестила, так ещё и в метриках их церковных записала её, как Кирхнер. А какая она Кирхнер? Она моя дочь – Ангелика Павловна Макарова! Вот так вот, росла Геля, как дочь полка в нашем гарнизоне. В столовой да в медсанбате помогала. Медсёстры её русскому языку учили, да как читать-писать грамотно. Ну, а немецкому уж Эльза её обучала. Так и жили бы, но только осенью 1956, это значит, когда Гельке десять лет было, помер Пашка. Запился брагой своей. Утром солдаты в бытовку за крупной пришли, смотрят, а тот уже окоченелый на полу лежит. Вскрытие сердечный приступ показало. Эльза после смерти его совсем сдала. Исхудала опять вся, глаза ввалились, взгляд потухший какой-то стал. Любила, видать, Павла крепко. На два года его и пережила всего. В 1958 какая-то инфекция почек у неё случилась. Как слегла она, так больше и не вставала. Да что уж там, это сейчас таблеток всяких полно, а тогда и лекарств-то толком не было. Схоронили, стало быть, мы Эльзу, стали думать, что с Гелей делать. Документов-то у неё толком, кроме метрики церковной, никаких не было. Ни наших, ни гэдээровских. Решили её к своим, в кирху отвести. Там пастор уже другой был, тот, который её крестил, помер давно. Но этот новый про Ангелику слышал, поэтому определил её в церковный приют для сирот войны да в школу при кирхе записал. Я через два года в Высшую Партийную Школу в Москве поступил, и на пять лет из Германии уехал. Закончил, тут мне в Роммштайн и предложили вернуться. Ты, говорят, немецкий знаешь, опыт службы там есть, поедешь замполитом на авиабазу, которая на месте вашего старого гарнизона стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.